

Jens Timmermann: Sittengesetz und Freiheit. Untersuchungen zu Immanuel Kants Theorie des freien Willens. Berlin ; New York, 2003 (Quellen und Studien zur Philosophie, Bd. 60).

(Йенс Тиммерман: моральный закон и свобода. Исследования кантовской теории свободной воли. Берлин ; Нью-Йорк, 2003)

Что значит, по Канту, поступать свободно? Этот вопрос относится к самым спорным и трудным проблемам в кантоведении. Исследование Йенса Тиммермана нацелено на улучшение понимания кантовской этики (с. XI). Скажем сразу, это ему, без сомнения, удалось. Книга, основанная на его диссертации, отличается чётким анализом понятий, остроумной и выразительной аргументацией. Автор устоял перед искушением рассказать больше, чем того требует предмет, тем самым избежав типичного недостатка квалификационных работ, а именно обилия учёных, но избыточных пассажей. То, что в обзоре трудов на данную тему автор ограничивается избирательным анализом тезисов лишь некоторых интерпретаторов, преимущественно современных, не ведёт к снижению качества работы. Напротив, таким образом аргументация фокусируется на самом существенном.

Во «Введении», чтобы подготовить почву для работы, зондируются значения понятия свободы у Канта. Их оказывается четыре: независимость воли от чувственности, спонтанность, способность поступать разумно и трансцендентальность (с. 11–12). В первой части «Основания: свобода и воля» сделан вывод о непригодности первого аспекта: негативного понятия свободы недостаточно, поскольку оно лишь утверждает, что свободная воля не детерминирована законами природы, не говоря при этом, чем же она определяется (с. 21–22). А поскольку, согласно Канту, «понятие причинности заключает в себе понятие законов»¹, то есть причинность концепируется номологически, то были бы абсолютно непонятными не только беззаконная воля, но и беззаконная причинность (с. 30). Правда, здесь, как и в некоторых других местах, остаётся не вполне ясным, передаёт ли автор просто тезис Канта, или он сам с ним соглашается. В любом случае причинность всегда привязана к строгой закономерности, поэтому можно сомневаться в предсказуемости отдельных человеческих поступков, ведь до сих пор не известно ни одного строгого закона. Однако, если отбросить это возражение и вместе с Кантом и Тиммерманом принять, во-первых, тезис о том, что понятия причинности и закономерности находятся в отношении аналитической импликации, а во-вторых, что автономия и гетерономия образуют «строгую дизъюнкцию» (с. 31, прим. 1), тогда позитивное понятие

---

* Перевод выполнен по рецензии Гектора Виттвера, опубликованной в «Кант-штудиен», на книгу Йенса Тиммермана «Моральный закон и свобода. Исследования кантовской теории свободной воли» (Jens Timmermann: Sittengesetz und Freiheit. Untersuchungen zu Immanuel Kants Theorie des freien Willens // Kant-Studien. 2008. Bd. 99. S. 396–400) с любезного разрешения редколлегии «Кант-штудиен».

Поступила в редакцию 13.12.2013 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2014-1-8

© Виттвер Г., 2014

© Зильбер А.С., пер. с нем., 2014

¹ Кант И. Основы метафизики нравственности // Соч. : в 6 т. М., 1963–1966. Т. 4, ч. 1. С. 289. — Примечание переводчика.

свободы как самозаконодательства действительно можно вывести из содержательной неопределённости негативного понятия свободы. Ибо при этих условиях воля, не подчинённая законам природы, может иметь своим определяющим основанием только моральный закон.

Как следует из вышесказанного, в распоряжении действующего субъекта только две возможности: «Если человек... поступает вопреки предписанию разума, то он отдаёт — напрасно! — свою волю на определение законам природы. Если человек поступает так, как он должен, то на место природных законов, на которых основаны гипотетические императивы, приходит нравственный закон как каузальный закон воли» (с. 33). Проблема, вытекающая из этого тезиса (поставил её прежде всего Герольд Праусс), состоит в том, что же означает «отдавать» свою волю в распоряжение законов природы. Если это позволение осознанное, вменяемое, то оно должно базироваться на свободном решении, которое нельзя понимать как позитивную свободу, определённую моральным законом. Но автор не углубляется в вопрос о возможных автономных основаниях гетерономии, а ведёт рассуждения в ином направлении, обращаясь к заявленному в названии книги отношению между моральным законом и свободой.

Кантова позитивная концепция свободы исключает индифферентный подход к свободе как к способности поступать целиком на своё усмотрение. Свобода определяется [Кантом] через разумность и привязывается к моральному закону, полученному от разума: «Для позитивной свободы масштабом служит разум: отныне свободные поступки оцениваются по их разумности, и нехватка разума сразу же идёт в минус свободе» (с. 39). Результат своего анализа кантовского понятия свободы Тиммерман формулирует так: «Свобода [воли] означает способность разумно самостоятельно действовать независимо от природных побуждений. В зависимости от ситуации разумные поступки называются благоразумными или нравственно добрыми. Разумное поведение в любом случае доброе» (с. 41). Примечательно разъяснение этого тезиса в сноске: «Поступки, идущие вразрез с моралью, никак не могут быть разумными, и также благоразумными, если благоразумное является разновидностью разумного» (с. 41, прим. 3). Это подведение благоразумия под разумность сомнительно, поскольку Кант в своих примерах часто исходит из того, что заповеди здравого смысла несовместимы с заповедями морали.

Проблему систематизации безнравственных поступков автор решает тем, что определяет Кантову свободу как способность, причем необязательно как её реализацию. Оценить безнравственные поступки как свободные можно в том случае, если субъект «хотел бы поступить разумно, имел такое намерение, и такую возможность» (с. 41 и далее). Соответственно, у Канта можно различить два значения понятия свободы: в широком смысле свободны те поступки, к которым субъект не принуждается своими чувственными склонностями; сюда же относятся поступки, противные долгу. В узком смысле свободны, напротив, только те действия, которые основаны на нравственном законе (с. 43).

В заключение этих разъяснений автор для дальнейшего освещения Кантова понятия свободы обращается к распространённому мнению, что свобода и ответственность связаны с тем, что личность могла бы вести себя иначе. Этот «принцип возможных вариантов», по Канту, не является условием свободы (с. 57). Здесь Тиммерман всерьёз воспринимает предположе-

ние Канта о том, что существуют не только конечные разумные существа, как люди, но и чистые разумные существа. Так как у чисто разумного существа, такого как Бог, отсутствовала бы возможность нарушать моральный закон, непредсказуемость не может быть признаком свободных поступков как таковых. По Канту, дело обстоит скорее наоборот: возможность действовать по-разному происходит из ограниченности человеческой свободы в сравнении с божественной. Поскольку мы как существа одновременно разумные и чувствующие постоянно подвергаемся искушению не следовать закону разума, то наша способность поступать иначе является не выражением полной свободы, а проявлением ограниченности (с. 59).

Тема следующей главы — определение Кантом воли как «способности действовать исходя из представления о законе, то есть согласно принципам». При этом автору важно разъяснить, «что вообще значит обладать волей» (с. 66). И в этой связи он снова принимает предположение Канта о том, что возможны существа чисто разумные. Если это так, тогда неверно такое понимание, как, например, у Рюдигера Биттнера: «действовать согласно законам» есть то же, что «действовать согласно максима́м». С точностью до наоборот: так как Бог не способен на максимы (с. 70), они не могут играть никакой роли в *обобщённой* дефиниции воли, потому что «они лишь тогда могут обрести своё место, когда они как субъективные должны быть отличены от объективного закона» (с. 71). Исходя из этого, волю следует трактовать как способность следовать законам разума, а точнее либо моральному закону, либо законам природы, лежащим в основе гипотетических императивов. В этом пункте автор присоединяется к позиции Конрада Крамера (с. 78–79).

После анализа понятия свободы во второй части книги исследуется соотношение свободы с законами природы. Исходным пунктом становится рассмотрение третьей антиномии. Суть интерпретации Тиммермана состоит в следующем методическом принципе: «Строго отличать аргументы представителей обеих сторон, стоящих на почве трансцендентального реализма, от собственных аргументов Канта, даже если это не всегда легко» (с. 99). Во-первых, Кант не разделял скрытого в тезисе суждения о том, что существование первой ноуменальной причины можно *доказать*. Напротив: аргументы для этого тезиса ведут только к *идее* первой свободной причины мира» (с. 102). Столь же мало соответствует кантовскому номологическому пониманию причинности скрытое за антитезисом предположение, что свободная причинность произвольна (с. 97). Чтобы прояснить, каким образом тезис и антитезис могут сосуществовать, нужно переформулировать их с позиций критицизма: тезис ведёт к идее о необходимой причине мира, но не может доказать существование свободы *внутри* мира, в то время как антитезис только показывает, что свободы не может быть *в границах* мира явлений (с. 102).

Всё это ещё не служит удовлетворительным ответом на вопрос, каким образом совместимы свобода и природа. Поэтому далее следует длинный пассаж (с. 103–144), в котором автор обращается к § 53 «Пролегоменов» и ещё раз к третьей антиномии, чтобы разъяснить, как же Кант мыслит примирение свободы с природой. Главная мысль этого детального анализа, который невозможно здесь подробно пересказать, состоит в том, что Кантово различение вещей в себе и явлений следует понимать не так, будто это только два аспекта чего-то единого, а как онтологическое разделение, в ко-

тором вещи в себе обладают каузальным приоритетом. При этом автор опирается прежде всего на следующий пассаж: «Но я говорю: закон природы остается, все равно, есть ли разумное существо причина действий в чувственно воспринимаемом мире, [проистекающих] из разума, стало быть через свободу, или же действия не определяются разумными основаниями. Ведь в первом случае поступок совершается согласно максимам, действие которых в явлении всегда соотнобразится с постоянными законами; во втором же случае, когда поступок совершается не по принципам разума, он подчинен эмпирическим законам чувственности, — и в обоих случаях действия связаны между собой согласно постоянным законам, а ведь большего мы и не требуем от естественной необходимости, да большего в ней и не знаем. Но в первом случае разум есть причина этих законов природы, а следовательно, свободен, во втором же случае действия происходят по одним лишь естественным законам чувственности, потому что разум не оказывает на них никакого влияния; однако это не значит, что сам разум в силу этого определяется чувственностью (такое невозможно), а потому он в этом случае также свободен»² (АА, IV, S. 345 — 346).

Как показывает этот отрывок, Кант настаивал на том, чтобы «не считать законы природы последним основанием человеческих действий, что мы должны мыслить себя существами, которые принимают ответственность за поступки, будучи подверженными влиянию тех или иных законов природного происхождения, при этом не определяясь этими законами» (с. 116). Если исходят из того, что в вещах в себе содержится некая основа из природных законов, и значит, предполагают некую «субстанциальную каузальность» (с. 119), то очевидно, что человек, поскольку он интеллигибельный субъект, сам порождает основу законов природы, которым подчинены его действия. И кажется, что таким элегантным способом свобода приводится в гармонию с природной необходимостью: все поступки происходят по законам природы. В поступках из уважения к долгу человек — творец законов природы, то есть является свободным в узком смысле; если же он следует гипотетическому императиву, то природой детерминирован его поступок, но не практический разум, потому что «какой-либо другой закон природы мог бы занять место того, что *de facto* стало основой поступка» (с. 129).

Однако такое решение выглядит проблематичным по двум причинам. Во-первых, трудно распознать, «каким образом определённое “интеллигибельное основание” явлений должно быть причиной и обладать каузальностью» (с. 117). Во-вторых, допущение того, что действие может осуществиться по некому другому закону природы, не совместимо с кантовским детерминизмом в сфере явлений (с. 131). На основе этого автор делает вывод, что «проблема примирения свободы с природой... остаётся нерешённой» (с. 131).

В оставшихся главах (четвертой и пятой) подвергается тщательному анализу понятие максимы и исследуется проблема моральной мотивации. Передать эти очень подробные размышления — означало бы выйти за рамки рецензии. Здесь нужно только упомянуть наиболее существенные результаты. Слово «максима» имеет у Канта три значения: во-первых, это

---

² Кант И. Прологомены ко всякой метафизике... // Соч. : в 6 т. М., 1963 — 1966. Т. 6. С. 168. — Примечание переводчика.

обозначение «принципов первого уровня поступков» (с. 150), во-вторых, — принципы актов воли более высокого уровня, относящихся уже не к самим поступкам, а актам воли первого уровня (с. 152), и, наконец, твёрдые и осознанные правила (с. 153). Категорический императив относится к максимам в первом смысле этого слова (с. 174). Что касается моральной мотивации, то Тиммерман прежде всего подчёркивает разницу между побудительной силой *внутри самой* нравственности и побудительной силой *перехода* к нравственности (с. 200). Подробно разобрать удаётся только первую из этих двух функций.

Исследование Тиммермана содержит ряд интерпретаций, заслуживающих внимания. Особенно интересными для кантоведения могут стать его толкование третьей антиномии и решение проблемы свободы посредством принятия субстанциальной каузальности интеллигибельного Я. Автору удалось убедительно прояснить значение некоторых центральных понятий кантовской этики; выше представлен его анализ понятий «воля» и «максима». Свою детальную трактовку Тиммерман постоянно подкрепляет текстом первоисточников и проясняет сравнением с другими интерпретаторами, такими как Эллисон, Бек, Биттнер, Крамер, Хёффе, Кель или Вуд. Эта книга без сомнений способствует улучшению понимания проблематики свободы. Хотя автор сам признаёт, что Кант не смог удовлетворительно решить проблему примирения природы со свободой, но с его собственной оценкой своих результатов трудно не согласиться: «...прогресс состоит уже в том, чтобы точно определить, в каком пункте решение застопорилось» (с. 131). Книга Тиммермана представляет собой серьёзный и интересный вклад в кантоведение.

Г. Виттвер, Берлин
Перевод с нем. А. Зильбера